

КАТАЛОГЪ ВЫСТАВКИ:
КАРТИНЪ МОЛОДЫХЪ ХУДОЖНИКОВЪ 1906 Г.

ПОСТАВЩ. ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
Т-ВО СКОРОПЕЧ. А.А. ЛЕВЕНСОНЪ
МОСКВА, ТВЕРСКАЯ,
МАМОНОВСКІЙ ПЕР., С. Д.

Обреченные искусству.

Прелюдія.

I.

...И вотъ, жизнь, наконецъ, зацвѣла... То, что казалось какъ чудо прекраснымъ въ несмѣлой мечтѣ, стало еще прекраснѣе въ дѣйствительности; тонкія, цѣпкія, страстныя руки судорожно и нѣжно обвиваютъ твою шею; влажныя, мягкія, упоенно-податливыя губы—у твоихъ губъ... И, рядомъ съ зацвѣтшею весною любви, волей случая,—у тебя господство надъ всею утонченною роскошью культуры; въ твоихъ рукахъ—пышные цвѣты, взращенные всѣмъ тѣмъ, что создано и придумано людьми къ концу ихъ шестидесятивѣкового историческаго страданья. Вся роскошь жизни, упоительныя утонченности прихотливой культурности подвластны тебѣ и будутъ служить твоему золоту. Пей мгновенья—они сгораютъ быстрѣе, чѣмъ алмазныя капли росы въ лучахъ горячаго солнца. Жизнь, наконецъ, зацвѣла—какъ пышный, пестрый лугъ позднею, зрѣлой весною. Что жъ нужно еще тебѣ, счастливый, безумный художникъ?

Но онъ все же задумчивъ и грустенъ. Оторвавшись отъ теплыхъ губъ, только что дрожавшихъ подъ его губами, какъ преждевременно вскрытые лепестки розоваго бутона, онъ чувствуетъ себя тяжело-смущеннымъ, для этихъ алыхъ

розъ забывающимъ что-то другое, что-то великое и важное. Счастье не оправдываетъ въ его глазахъ жизни. Отходя отъ стола, гдѣ еще толпятся, искрясь, недопитые бокалы съ лучисто-золотымъ виномъ, онъ чувствуетъ себя преступникомъ. Онъ не исполняетъ чего-то, что долженъ исполнить. Онъ готовъ, наконецъ, отказаться отъ своего розоваго счастья, отъ этой прихотливой утонченности, отъ обожаемой роскоши. Онъ не можетъ просто жить, онъ что-то долженъ дѣлать изъ жизни. Онъ—художникъ.

Всякій художникъ, рано или поздно, понимаетъ, что онъ—обреченный, что жизнь—не для него. Лишь какъ *матеріалъ* для творчества существуетъ для него жизнь. Онъ живетъ не для того, чтобы жить, но чтобы творить—и онъ не можетъ иначе, хотя бы и хотѣлъ. Въ этомъ драма жизни художника, всякаго художника. „Aus meinen grossen Schmerzen mach ich die kleinen Lieder“ *)—вотъ ироническая и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко трагичная формула этой драмы, данная Гейне.

Всякая жизнь, всякое даже самое безумное, самое огненное и опьянительное счастье неизбѣжно дѣлается ненавистнымъ художнику, если оно становится между нимъ и искусствомъ. „Ахъ, одинъ мой романъ потерянъ!“—говорятъ, воскликнулъ Бальзакъ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ перваго счастья съ женщиной, любимой имъ всю жизнь. Онъ не успѣлъ написать за это время романа! И, конечно, онъ отка-

---

*) „Изъ моихъ *большихъ* страданій я дѣлаю *маленькія* пѣсни.

жется отъ этого счастья для того, чтобы не пропустить свой слѣдующій романъ. Какое жалкое уродство съ точки зрѣнія обыкновеннаго разсудка и какая святая глубина сознанія своего великаго подвижничества!

Жизнь и искусство во взаимной враждѣ. Искусство ревниво—оно требуетъ всего. Оно требуетъ жертвъ. Или жизнь, или искусство—эта дилемма встаетъ передъ каждымъ, возмнившимъ себя художникомъ, и она рѣшаетъ его судьбу.

Искусство требуетъ, чтобы художникъ жилъ лишь для него, чтобъ онъ весь отдался своему суровому подвижничеству, презирая счастье и умѣя принимать страданія и боль, если они нужны искусству. Ванъ Гогъ, задумавъ написать лицо человѣка, искаженное болью, отрѣзалъ себѣ ухо и затѣмъ написалъ свой портретъ. Робертъ Шуманъ разрѣзалъ себѣ связки между пальцами руки, такъ какъ ему казалось, что послѣ этого удобнѣе будетъ играть. Это наиболѣе грубые, простые и очевидные факты мученичества ради искусства, но такихъ, и гораздо болѣе сложныхъ, тонкихъ и глубокихъ фактовъ,—тысячи, ими наполнена вся исторія искусства, эта книга подвижничества тѣхъ, что обречены искусству.

II.

Радуясь ли или проклиная Бога за то, что онъ избралъ насъ средствомъ для достиженія какихъ-то своихъ невѣдомыхъ цѣлей (цѣль оправдываетъ средства?)—мы, художники

и поэты, все же должны служить своему призванію. Но какая же это цѣль, быть средствомъ для которой—порою такъ мучительно, какая цѣль искусства и для чего оно? Оглядываемся кругомъ, оглядываемся съ ужасомъ. Міръ кажется безцѣльнымъ. Прожито сотни вѣковъ, выпита непомѣрность страданья, зажглись тысячи геніевъ, изъ которыхъ каждый, повидимому, былъ могучъ какъ Богъ и одинъ могъ бы пересоздать весь міръ—и человѣческаго счастья не прибавилось ни на одну ничтожнѣйшую пылинку, не прибавилось и *возможности* этого счастья. Ничто и никто не въ состояніи сдѣлать человѣка хотя бы чуть-чуть счастливѣе, не можетъ этого и самъ Богъ, такъ какъ для того, чтобы быть счастливымъ, человѣкъ долженъ бы перестать быть человѣкомъ. Красиво выражена эта мысль въ мудрой сказкѣ Уайльда „Судилище", гдѣ человѣкъ на послѣднемъ судѣ говоритъ Богу, что Тотъ не въ силахъ послать его ни въ адъ, ни въ рай. Но если мы даже и отбросимъ эту точку зрѣнія—человѣческое счастье (которую, впрочемъ, никогда не можемъ искренно отбросить), то и на другомъ пути—на пути отъ обезьяны къ сверхчеловѣку—врядъ ли что-либо достигнуто нами. Одинъ тотъ фактъ, что въ проникновеннѣйшихъ системахъ современной философіи мы опять *возвращаемся* къ недостижимой мудрости глубочайшей древности, способенъ повергнуть въ глубочайшее уныніе. Міръ безцѣленъ—и это лучшій и по своимъ размѣрамъ весьма внушительный примѣръ для насъ, — наше собственное лучшее оправданіе.

Въ концѣ концовъ начинаетъ казаться, что все, что мы имѣемъ въ разультатѣ нашей кошмарной и многострадальной исторіи—это рядъ безсмертныхъ созданій искусства. Они прекрасны какъ міръ и прекраснѣе міра. Безсознательно понимаемъ мы, что въ искусствѣ—и единственная правда и наше единственное знаніе о мірѣ. Если вообще возможно знаніе и мы можемъ что-либо знать, мы знаемъ это—въ искусствѣ. Теоріи Шопенгауэра и другихъ о томъ, что лишь въ искусствѣ (въ противоположность наукѣ) совершается постиженіе *сущностей*, а не однѣхъ лишь видимостей—подтверждаютъ эти мои слова...

Но искусство не только равно міру—оно прекраснѣе міра. Міръ не удался, и самъ Богъ въ образѣ Діавола яростно свиститъ провалу своего мірозданья. Искусствомъ мы исправляемъ міръ, создаемъ другой—совершенный. Въ этомъ—наше высшее богоборчество.

III.

Научитесь смотрѣть на художниковъ, на творцовъ искусства, какъ на жрецовъ. Терновый вѣнецъ искусства, чтó осуждены они носить на головѣ, требуетъ жертвъ, но онъ же даетъ имъ высокія права. Я не боюсь сказать, что художникъ имѣетъ право на преступленіе, на то, что зовется преступленіемъ, если этого хочетъ искусство. Великій худож-

никъ—всегда подвижникъ, но въ то же время онъ часто—преступникъ. Къ сожалѣнію, біографы обыкновенно скрываютъ и то и другое.

Входите на выставку съ серьезностью и благоговѣніемъ. Здѣсь—искусство.

Викторъ Гофманъ.

Бѣлкинъ.

1. Вечеръ.
2. Солнце.

Денисовъ, В. И.

3. Джотто.
4. Море.
5. Былина Садко: Тридцать одинъ корабль.
6. Березки.
7. Фризъ.
8. Зима.
9. Шествіе. Собств. А. А. Шемшуриной.
10. Сказка.
11. Этюдъ. Принадлежитъ М. П. Чеховой.

12—24. Этюды.

25—29. Рисунки.

Егоровъ, В.

30—35. Изъ альбома.

Езучевскій, М. Д.

36. Тяжеловозы.

Захаровъ, И. И.

37. Синяя ночка (цвѣтн. карандаши).

38—39. Пастель.

40. Въ янтарной тѣни.
41. Женскій портретъ.
42. Тоска.
43. Старое.

44. Ночью.
45. Разговоръ.
46. Зеленое.

Ивановъ, А. Е.

47. Сумерки на Волгѣ.
48. Дорожка.
49. Противъ солнца.
50. Вечеръ (эскиз.).
51. Мотивъ для панно.
52—53. Въ саду.
54. Книжная лавочка.
55. Мотивъ.
56. Сумерки.
57. Послѣднiй лучъ.
58. Вечеръ.
59. Таинственное озеро.
60. Осеннiй мотивъ.
61. Фейерверкъ.
62. Cafée.
63. Cafée.
64. Безъ названiя.
65. Полянка.
66. Сѣрый день.
67. Фонтанъ.
68. Эскизъ.
69. На берегу моря.
70. Этюдъ вечерняго освѣщенiя.

71—72. Interieur.
73. Бесѣдка.
74. Березовая роща.
75. Cafée.
76. Фикусъ.
77. Этюдъ съ береговъ Сены.
78. Прудъ.
79. На бульварѣ.
80. Пейзажъ.

Иваскъ, У. Ф.

81—85. Рисунки.

Келлеръ, А. В.

86. Фонтанъ (утро).
87. Мечтательницы.
88. Мелодія вечера.
89. Балюстрада.
90. Берегъ моря.
91. Домъ съ террасой.
91a. Яблоня.

Крымовъ, Н. П.

92. Бѣлье.
93. Окно въ садъ.
94. Лѣтомъ.
95. Весна.
96. Лунный свѣтъ.
97. Зимній вечеръ.

Кузнецовъ-Волжскій, М. В.

98—99. Портреты (акварель).
100. Портретъ сестры.
101. Облака (пастель).
102. Пески Волги.
103. Дворикъ—утро.
104. Темнѣетъ.
105. Утренняя роса.
106. Утро.
107. Пѣснь соловья.
а. Затишье.
б. Шелестъ.
в. Затонъ.
г. Шопотъ вѣтерка.
д. Мелкій дождичекъ.
е. Мотивы Волги.

Кузнецовъ, Н.

108. Этюдъ.
109. Въ неясномъ снѣ тревожатъ думы.
110. Ожиданіе.
111. На ручьѣ.
112. Тихое ночи дыханье.
113. Праздникъ.

Митрохинъ, Д. И.

114. Осенью.
115. Interieur.
116. Садко.

117. На улицѣ.
118. Matchiche.
119—123. Пейзажи.
123a. Скульптурная мастерская.
b. На улицѣ (парики).

Некрасова.

124. Лиліи.
125. Зима.

Некрасовъ Н.

126—128.

Петровъ, В. П.

129. Interieur.
130. Лѣтомъ.

Срединъ, А. В.

131. Гости.
132. Interieur.
133. Interieur.

Islamic Фалькъ, Р.

134—135. Рисунки.

Фишеръ, В. Ѳ.

136. Портретъ художн. К. Ѳ. Юона.
137—138. Скульптура.
139. Портретъ У. Р. Иваскъ (бронза).
140. Cafée.
140a. Дама въ шали.
b. Matchiche.
c. Кекъ-уокъ.

d. Прима-Балерина.
e. Cafée.
f. Ночь.

Харламовъ, М. Е.

141. Снѣжная ночь.
142. Герань.
143. Снѣгъ осенью.
144. Майскiе цвѣты.
145. Гнѣзда.
146. Вечеръ въ большомъ городѣ.
147. Молодой лѣсъ осенью.
147a. Этюдъ.
148. Трепетъ листьевъ.
149. Мрачный день.

Хрустачевъ, Н. И.

150. Осенняя радость.
151. Задумчивость.
152. Вѣтка дуба.

Эберманъ, М.

153. Пьерро. } Эскизы къ картинамъ.
154. Вечеръ. } Эскизы къ картинамъ.
155. Призракъ осени.

Якимченко, А. Г.

156. Вечеръ въ горахъ.
157. Дорога къ Ай-Тодору.
158. Веранда.
159. Лунный аккордъ.

160. Солнечныя пятна.
161. Терраса.
162. Раннимъ утромъ.
163. Къ вечеру.
164. Серебристыя березы.
165. Букетъ.
166. Золотая осень.
167. Прибой.

Ястржемскій.

168. Утро.
169. Начало осени.
170—173. Осенніе мотивы.

ОБЩЕСТВО
ИМЕНИ
ЛЕОНАРДО
ДА ВИНЧИ.